

В.П. БЫКОВ

ТИХИЕ ПРИЮТЫ

В. П. БЫКОВ

Тихие приюты

Православное издательство "Сатись"

1913

Быков В. П.

Тихие приюты / В. П. Быков — Православное издательство
"Сатись", 1913

ISBN 5-7373-0091-9

В книге рассказывается о Святых обителях – монастырях, которые посетил автор, об их насельниках и насельницах, о подвижниках и вере Русского народа.

ISBN 5-7373-0091-9

© Быков В. П., 1913
© Православное издательство
"Сатись", 1913

Содержание

Предисловие	6
I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	25

В. П. БЫКОВ
Тихие приюты

© В.П. Быков, текст

© Издательство «Сатисъ», 2008

Предисловие

Ввиду того что в последнее время все чаще и чаще приходится получать письма с просьбой о выпуске лекций, читанных мной в 1907–1913 годах в Петербурге, Москве, Курске, Шуе, Новочеркасске, Таганроге, в рудниках Донецкого бассейна, я решил приступить к изданию таких и первый выпуск отвожу для своей, пользовавшейся особым успехом, лекции «Тихие приюты для отдыха страдающей души».

Но, так как я, обыкновенно, веду свои лекции-беседы по конспектам или даже без таких, – я был бы лишен возможности выполнить эту задачу, если бы мне любезно не предоставила стенограмму этой лекции, читанной мной в аудитории «Соляного городка» в Петербурге, стенографировавшая ее для себя княгиня М.М.У. Имея в руках эту стенограмму и желая освежить в памяти все то, о чем я говорил в этой лекции, в текущем (1913) году я снова объехал те обители, которые послужили главным материалом для этой лекции.

И теперь, благодаря особенному вниманию многих высокоуважаемых молитвенников – иноков этих обителей, я имею возможность внести в настоящую лекцию несколько таких подробностей, о которых я в то время говорить не мог.

Считаю святой обязанностью и нравственным долгом выразить здесь глубокую признательность Его Преосвященству Епископу Дмитровскому и викарию Московскому, Владыке Трифону, неоднократно предоставлявшему мне свою в высокой степени художественную библиотеку световых снимков для проекции с помощью волшебного фонаря видов Оптиной пустыни, затем Шамординской Казанско-Амвросьевской женской обители. Точно так же приношу благодарность А.Е. Сунгурову, подбиравшему мне эти снимки; затем – княгине М.М.У., любезно предоставившей мне стенограмму этой лекции; потом Его Высокопреподобию Архимандриту Боровского Св. Пафнутия монастыря о. Венедикту, давшему мне очень много интересных сведений из жизни праведного старца Амвросия, у которого он был ближайшим учеником и в течение многих лет письмоводителем; и наконец, я не могу не выразить своей сердечной признательности гостинику Оптиной пустыни о. Пахомию и старшей монахине при гостинице женского Шамордина монастыря матушке Наталии Самбикиной, сообщившим мне: первый – о посещении Оптиной пустыни графом Л.Н. Толстым, а последняя – об этих же посещениях Л.Н. Толстого Шамординой обители и о Марии Николаевне Толстой, в течение многих лет подвизавшейся в этой обители; М.М. Долинино-Иванской, сообщившей мне много интересных сведений о первой игуменье схимонахине Софии Болотовой, которая была ее родной теткой, и об о. Данииле Болотове, бывшем профессоре Петербургской Академии Художеств Д.М. Болотове, а равно и многим другим из иноков и инокинь обителей Калужской губернии, которые любезно обогатили меня сведениями о своих святынях и духовных сокровищах, а главное – повествованиями о величайших подвижниках духа этих высоких духовных оазисов нашей центральной России.

В заключение считаю нравственным долгом заявить, что, так как все изложенное здесь – результат личных переживаний, тревожных дум, мучительных страданий и душевных терзаний, которые не чужды многим из заблудившихся в бурных волнах современной жизни, я буду чрезвычайно осчастливлен Всемогущим Господом, выведшим меня из бездны страшного падения, из бесконечных нравственных мук на путь спокойной светлой правды, – если эти строки проникнут в глубину хоть одной такой же заблудшей и скорбной души, какой была и моя, откроют ей горизонты вечной истины, правды и добра, и давно желанного счастья, спокойствия и умиротворения, – я этим хоть немного облегчил бы то мучительное бремя, которое тяготит мою душу, как душу соблазителя, как душу увлекавшего в бездну падения многие другие души, как ревностного вербовщика в армию духа тьмы. Правда, я делал это по слепому неведению, по искреннему увлечению, в глубокой уверенности, что это и есть тот истинный

путь, которого так бесконечно-настойчиво, так жадно ищут многие в наш век; обманывал, был обманут, но это меня не оправдывает, так как те, которые шли по моему указанию в тенеты лжи, – в тенеты спиритизма, оккультизма, теософии, – тонули и гибли там так же, как и те, которые самостоятельно падали в эту мертвой хваткой поглощающую бездну.

«Смерть от руки постоянного разбойника большой дороги и от руки случайного разбойника – все та же смерть», – говорит старая ирландская поговорка.

Но... я верю, неистощимое милосердие искупившего нас Своей кровью Господа – безгранично, и молитвы Церкви – чудодейственно плодотворны; и им, и только лишь им теперь я вверяю и себя, и тех, которые, благодаря моим заблуждениям, стали на скользкий путь пагубного увлечения.

Господь выправит и их, и мои пути!

В.П. Быков

Москва, 1913 г.

I

Чем и как лечится простой русский народ

Несколько лет назад во французском географическом обществе, в Париже, один из врачей, принимавших участие в экспедиции к северному полярному полюсу, отметил следующий, в высокой степени интересный, факт: чем ближе они подходили к полярным поясам и чем быстрее вступали в область сплошных ночей, тем отчетливее он наблюдал в психической жизни экипажа исключительную *пониженность* во всей нервной системе, страшную подавленность, малоподвижность и т. д., и т. д.

Это обстоятельство натолкнуло его на мысль произвести наблюдение над психикой человеческой природы в той области, где в течение некоторого времени держится почти сплошное, непрерывное отсутствие темноты, почти непрерывный день, и он установил, что в последнем случае наблюдается слишком большая *повышенность* нервной системы, раздражительность, беспокойство и тому подобное.

Отсюда почтенный докладчик приходит к определенному выводу, что существующая закономерность в природе и в жизненных явлениях представляет собой один из главных факторов уравновешенности человеческой жизни, ее нормальности, безболезненности, долговечности; словом, всего, что вырисовывается в идеалах человеческого счастья.

И на самом деле, стоит только понаблюдать за собой совместно с жизнью, явлениями и переменами в видимой природе, чтобы установить как незыблемый факт, что счастье человека находится в строгой зависимости от указанной выше закономерности в природе и от гармонического отношения к ней человека и что Тот, Кто создал человека, назвал его Своим дитятей, в целях его, этого дитяти, блага, установил в жизни и закономерную смену явлений в природе.

Обратите внимание на равномерность тепла и холода в умеренных странах. Сравните результаты влияния их на человеческую природу с результатами влияния, предположим, южных стран, и вы увидите, что человек умеренного пояса живет нормальной продолжительностью жизни, уравновешеннее реагирует на все ее явления.

Совсем не то испытывает человек южного климата, пояса сплошной жары. Он живет быстрым, усиленным темпом, особенно интенсивно реагирует на явления природы, на чувства, на жизнь и т. д., и т. д.

Возьмите жизнь тех пунктов земли, которые расположены в области постоянных туманов, нарушающих правильный приток чистого воздуха и света к людям, например Лондона в Англии, и вы увидите, что ни один народ на земле не страдает так сплином, как страдают сыны властного Альбиона, и нигде не бывает так много самоубийств исстари веков, как среди обывателей Лондона.

Возьмите нашу северную Пальмиру, Петербург, с его непостоянной погодой, с безалаберно сыплющимися осенней изморозью, дождями, с быстрыми скачками температуры, и вам будут до некоторой степени понятны массовые заболевания легочными, гриппозными, малярийными, тифоидальными страданиями петербуржцев, что составило «творению Петра» репутацию нездорового города.

Наконец, по уверению одного очень опытного петербургского психиатра, большинство всякого рода нервных и психических заболеваний в Петербурге падает на период тех воспетых Достоевским и Пушкиным «белых ночей», при которых на протяжении приблизительно с последних чисел апреля до первых чисел июля неизменно «светла Адмиралтейская игла».

Но если мы будем внимательно вглядываться в человеческую жизнь вообще, то мы отметим, что и во всех явлениях человеческой жизни отсутствие равномерности в сменяемости впечатлений вызывает неизменно психопатологические явления.

Как на юге без наших русских срединных морозов человек делается слабым, нежным, малоустойчивым для борьбы с атмосферными явлениями природы, или как непрерывный холод северных полярных стран вырабатывает людей инертными для восприятия изящного, сильных впечатлений, людей флегматичного, малоподвижного темперамента, с холодной душой и не умеющих быстро схватывать и разбираться в различных умственных работах, так и во всем остальном постоянное пребывание в одних условиях создает индивидуума только лишь этих самых условий.

Постоянная роскошь, богатство притупляют у человека отзывчивость к чужим скорбям, страданиям, делают его неспособным к борьбе с жизненными невзгодами.

Постоянная, непрерывная бедность, жизнь впроголодь создают неудовлетворенность, озлобление, мучительный пессимизм и иногда даже отчаяние.

Непрерывное ничегонеделание вырабатывает людей совершенно непригодных, трутней, у которых только лишь одно стремление – жить на счет других.

Постоянная, непрерывная работа, работа без всякого отдыха дает обществу болезненных инвалидов, с несвоевременно разрушенным телом юных и расслабленных старцев.

Но это все избитые, старые, прописные истины, и если я останавливаю на них ваше внимание, то только для того, чтобы более последовательно подойти к следующему, мало обращающему на себя внимание современного человечества, явлению.

Я хочу обратить ваше внимание на отсутствие в нашей сутолочной жизни, жизни на рынке житейской суеты, жизни в непрерывном шуме, в непрерывном треске, начиная с грохота извозчицких экипажей, с велосипедных и автомобильных сирен, трамвайных звонков, паровозных, заводских гудков и кончая уличными шарманками, взвизгивающими гармониками, стройными фанфарами театральных оркестров и нежными мелодиями не менее нежных вальсов, равно как и завываниями порнографических «ойр», «матчишей» современных «семейных» вечеринок, журфиксов и балов, которые превращают ночи в дни, а дни в ночи и тем самым калечат природу и калечат человеческую жизнь, – я хочу обратить ваше внимание на полное отсутствие в этой жизни умиротворяющей, благодатной *тишины*.

Люди умышленно вычеркнули из своей личной жизни это небесное благо, которое дано человеку в таком же отношении к суете и деятельности, как ночь ко дню.

Суета, работа, шум, движение и – спокойная, благодатная тишина.

День и ночь.

Яркие лучи солнца и – серебристо-матовый свет луны...

Тишина вычеркнута.

От тишины бегут.

От тишины спасаются, потому ли, что тишина, как чистое, яркое зеркало, на своей поверхности вырисовывает те уродливые явления на почве человеческих взаимоотношений, которые имеют место в непрерывной сутолоке житейской суеты.

Потому ли, что тишина понуждает человеческую душу невольно оглянуться на пережитую сумятицу и увидеть в ней и неприглядность своих деяний, и пустоту, и бесцельность всей жизни, построенной на этой пустой сумятице.

Потому ли, что тишина является для человеческой души самым беспощадным, беспристрастным судьей тех явлений, тех сторон жизни, за которыми человек, пренебрегая святой тишиной благословенных лесов, полей, дивных, хотя в то же время и бедных сельских храмов, уютных, быть может жалких по внешнему виду, но чистых, не оскверненных семейных очагов, – бежит в сутолоку больших городов, в разгул, в непрерывный разгул развращающего богатства, в омут подделывающихся под семейный уклад кабаков – ресторанов.

Не правда ли, какое мучительное недоумение вызывает в скорбной душе цельного, сохранившегося человека сделавшаяся банальной фраза: «В таком-то ресторане все *по-семейному*... В таком-то увеселительном учреждении все устроено *на семейный лад*».

Признают идеалом человеческой сущности «семейный очаг» и в то же время заменяют его ядовитым суррогатом, отрывают ради этого суррата людей от семьи, отвлекают их от нее и тем самым разрушают идеализированную семью.

Словом, получается нечто похожее на то, как если бы кто, вместо в избытке напеченного вокруг нас хлеба, усиленно предлагал нам глину, которой придали и форму, и вид ржаного хлеба.

Потому ли бегут от тишины, что в ней заложены здоровые элементы самого критического отношения к жизни?

Не знаю.

Но от тишины бегут.

А между прочим, вот что говорит о тишине один очень вдумчивый, ныне уже отошедший в иной мир, писатель М.К. Иогель:

«Тишина...

Что может быть выше, совершеннее, прекраснее тишины?

Не тишина ли предшествует всем действительно великим, мировым событиям, и не тем ли дороги бури и грозы, что за ними... тишина?!

Тишина есть высший апофеоз всякой любви, тишина – колыбель мудрых!

Не в тишине ли зрели истинно великие, и не ради ли грядущей тишины создан весь мир со всем неисчислимым множеством всех его разновидностей, со всеми их глубокими страстями и их нескончаемой борьбой?

В тишине вы не слышите ничьего голоса; в тишине вы не подмечаете ни малейшего движения, и между тем тишина весьма нередко, даже почти всегда, дает вам ощутить в себе такое успокоение, такое блаженство сознания себя объатым высшей гармонией чувств, что вы, раз отдавшись ей, не променяете уже ее ни на какие волнения, ни на какое наслаждение!.. Тишина – это молитва без слов, но такая молитва, в которой молитесь не вы один, а все силы небесные и все земное заодно с вами, все-все, что соприкасается вам; тишина – это созерцание без предмета, любовь без любимого лица, но в целом сонме любящих, любивших и имеющих любить!..

Она... единственная наша действительность, единственное наше счастье, то истинное счастье, которое мог даровать людям только Бог!

Для нее нет смерти, как нет и рождения. Она всегда была, есть и будет... Не наслаждались ли ею наши отдаленнейшие предки и не наслаждаемся ли ею и мы, люди XX-го века?

Все изменяется, все переходит, все – цветы, деревья, люди и животные, государства и целые народности, все формы внешнего быта и все понятия человека, сегодня принимающего за черное то, что еще вчера казалось белым, и наоборот, а *она* остается все той же, какой была от создания времен...

Она, только одна она, не форма явления, а само явление, *сама сущность*, как целое и как часть той великой гармонии душ, о которой сказал еще Христос, говоря, что Царство Небесное внутри вас есть, и *это, глубоко заключенное в душах наших Царство Небесное и есть именно их тишина* – та, которая одна только красит всю нашу жизнь и оправдывает все видимое бессмыслие земной нашей суеты...

Нет!.. Пусть шумят бури, пусть стонут волны, пусть гремят громы и пестрят небо молнии; пусть мы видим один клочок неба, да и тот затянутым свинцовым покровом туч, пусть волны времен смывают все наши постройки – мы не пропали, не пропали... там... впереди... необъятность... тишина, та тишина той великой гармонии душ, для достижения которой все, что было, есть и будет!..

– Истинно, истинно говорю вам, кто не возненавидит душу свою, тот не спасется!

Кто не возненавидит суетных, узко земных стремлений души своей, ее страстей, ее корысти, ее жажды власти и господства, тот не спасется от Суда Небесного и (скажем от себя, что будет ясно каждому из вас) не найдет себе и счастья земного, безразлично, будет ли он вер-

ноподданным царя самодержавного или гражданином республики демократической... И это ясно без всяких слов и неоспоримо без всяких доказательств, ибо буду ли я министром или огородником, буду ли путешествовать по земле в роли рыцаря или не имеющего, где преклонить головы своей, странника, – если буду носить в душе своей чувство тишины, буду счастлив, а не будет его во мне, буду несчастлив!..

Скажите, доводилось ли вам когда-либо сидеть в лесу, в саду, на поляне или на берегу у тихих вод, ночной, летней порой, среди полного мрака, объявшей вас со всех сторон ничем не нарушимой тишины?..

Ничьих шагов, ни даже говора дальнего, ни шелеста, ни звука, никакой надежды увидеть чье-либо лицо или услышать чей-либо голос, один вы, один, совсем один, а с вами сотни, тысячи, миллионы жизней, душа ваша полна самых счастливых надежд, сердце – любви, и вы счастливы, счастливы до того, что сама мысль о возможности нарушения этой тишины уже приводит вас в ужас!

Не знаю, как для вас, но что до меня, не мило мне президентское кресло, не мил и министерский портфель, не надо мне ни власти, ни господства, ни чинов, ни орденов, ни приморских вилл, ни богатых усадеб, потому что нет для меня на свете чувства счастливее чувства тишины, ибо оно было, есть и будет; оно – широко, необъятно, как весь созданный Богом мир, и прекрасно, как Сам Бог, а все то, чего хотели бы себе люди, не ценящие чувства тишины, полно бури, страданий, смятений и смут, коротко, как сон земной, и мало, как мала падучая звезда перед всем сонмом звезд небесных!.. Нет!.. Поверьте мне, поверьте. Поверьте все, воображающие себя неверующими, что нет на всем свете такого богача, который мог бы поравняться с богатством человека, богатого чувством тишины...»

И действительно, тишина – это та Божественная сила, которая не только в жизни отдельных людей, но и в мировых событиях всего человечества играла и играет великую роль.

Самые великие мысли, самые великие изобретения, лучшие произведения литературы, искусства, искусства рождались в колыбели тишины и вырастали под ее покровом.

Сам Божественный Спаситель мира любил тишину.

Удалялся ради нее в пустыню и молился под звездным покровом небосвода и под веянием спокойной умиротворяющей тишины.

Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф. 6, 6).

Во всем этом завете слышится мощный призыв под тень благодатной, всеисцеляющей тишины.

Этими словами Он как будто подтверждает тот великий закон, по которому милосердный Господь приходит в дыхании тихого ветерка.

Помните, как это было с Илией, когда Господь сказал ему:

Выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра... (3 Цар. 19, 11–12) и в этой тишине пришел к Илие Господь.

Наконец, припомните величайший момент из истории человечества.

Тихая, благодатная ночь, окутавшая Гефсиманский сад.

О, какая изумительная картина безмолвного благоговения, покрывшегося флером величайшей тишины!

Вся природа вместе с великой любящей семьей учеников Божественного Спасителя, затаив дыхание, слушала Его последний завет.

Приходилось вам когда-нибудь наблюдать эту тишину, трепетно благоговееющую перед последними минутами жизни члена какой-нибудь семьи?

В особенности когда умирающий хочет сказать свою последнюю волю.

Излить свое последнее желание...

Все притаило дыхание.

Каждому слышатся лишь только усиленные удары отягченного скорбью истрадавшегося своего собственного сердца.

Но это – семья.

Это – небольшая группа людей у постели умирающего.

А там... там, за этими одиннадцатью доверчивыми детски чистыми душами стояла в безмолвном трепетном ожидании вся природа, вся вселенная.

Ни шелохнет...

Переплетающиеся ветви маслин и гранат, смоковницы; лавровые деревья, со своими серовато-бурыми листьями, при пробивающемся лунном свете; чудные кипарисы, мирты, темно-бурые стройные стволы кедров – все молчало в трепетном ожидании последнего завета их Творца.

Луна тревожно бросала свой серебристый свет на ту маленькую по числу людей, но великую по последующей деятельности группу и, казалось, понимала, что и она не в силах сразу залить своим серебристым светом те сотни, тысячи, миллионы людей, которые в грядущем воспримут исходящие сейчас из Его Божественных уст слова и навсегда запечатлеют их в своих сердцах.

Мерцающие синевой ярко бриллиантовых огней мириады звезд берегли свои слезинки, дабы они своим падением на несчастную землю не нарушили святой тишины.

А Он говорил:

Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается. (Ин. 14, 27).

Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам (Ин. 15, 7).

В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир (Ин. 16,33).

И наконец, эта изумительная тишина, это полное единение в этой тишине с Ним и их, Его детей, и этого умолкнувшего сада, и этой затихнувшей стихии, и этой печальной луны, и этих плачущих звезд, – все это послужило тем непередаваемым человеческим языком, общим фоном, общей канвой, на которых огненными словами запечатлелась Его великая молитва об единении верующих в Него:

Да будут едино, как Мы, Отче, едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня (Ин. 17, 22–23).

Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их... (Ин. 17, 20.)

Велика благодатная тишина!..

Обратите внимание на свое прошлое.

Добросовестно проследите свою личную жизнь, и вы сами увидите, что лучшие переживания в вашей жизни, лучшие мысли, идеи, самые возвышенные молитвы, самые трогательные подвиги терпения, прощения, смирения, милосердия и любви зарождались в вашем сердце только лишь под покровом святой тишины.

Люди древнего понимали это.

Они берегли тишину в семье.

Они искали ее и находили в церкви, в храме Божиим.

Очень многие в наше время спрашивают: почему исчезли идеалы?

Куда скрылись сильные люди?

Почему непроизводительны наши силы?

Почему разваливаются наши семьи?

Почему все, за что бы мы ни брались, как здание, построенное на песке, разваливается в самом своем начале?

Почему в наш век так неустойчива молодежь?

Почему с первых неудачных шагов она ставит на карту свою собственную жизнь?

Ведь ни для кого не секрет та поражающая грозная цифра самоубийств, которая колеблется за год от 10 до 12 тысяч в нашей стране, – ведь она одна говорит о том ужасе, о той беспощадной нравственной эпидемии, которая, как моровая язва, охватила нашу страну и бессердечно вырывает свои жертвы.

Сегодня у одного, завтра у другого.

Сегодня у меня, завтра у тебя.

А какие страдания переживают современные семьи, несчастные родители!..

Благодаря тому, что я издавал спиритический журнал, ко мне очень часто и много приходило людей после утраты того или другого близкого им человека.

Приходили с искренним, сердечным, страстным желанием узнать: действительно ли умершие дорогие им существа *там* живут, действительно ли с ними можно вступать в общение?

И какая масса приходила отцов и матерей, у которых дети покончили с собой.

Я никогда не забуду факта, который и сейчас, как говорится, перевертывает всю мою душу.

Докладывают, что со мной желает побеседовать жена тайного советника С.С.М.

И вслед за этим входит седая, старая, древняя, полусогбенная старушка.

Я эту женщину видел полгода назад.

Это была красивая, стройная, лет 42-х, дама. Ни одного седого волоса на голове.

– Что с вами? – невольно воскликнул я.

Несчастливая женщина как сноп повалилась на колени и с какими-то непередаваемыми судорожными движениями в лице, в руках, голове, истерически рыдая, говорила мне:

– Вася!.. Вася!.. Мой несчастный Вася покончил с собой!..

Слаб мой язык, бедно воображение, чтобы передать точно ту нестерпимую боль, ту агонию, если можно так выразиться, материнского сердца, которую я в течение часа наблюдал вблизи себя.

Я не могу спокойно говорить об этом и сейчас, хотя этому прошло почти четыре года...

Несчастливые родители!..

Как многие из них в наше мучительное лихолетие живут двойным страданием.

Сначала – предчувствуя надвигающуюся грозу. Опасаясь каждую минуту за безумный поступок своего сына, своей дочери.

Как много матерей и отцов, выждав возвращения их сына или дочери, когда они улягутся спать, как мелкие воришки, унижаясь, забыв свой возраст, свое положение, обшаривают карманы своих любимцев, перечитывают их письма, записки: в первом случае – в надежде своевременно убрать яд или револьвер, а во втором – чтобы проследить за состоянием духовной жизни своего детища.

Как жаль эти несчастных, отдавших своим детям и лучшую жизнь, и лучшие годы, и цель всего своего существования, когда они с каким-то болезненным, скорее скорбным подбострастием, как будто боясь обидеть, оскорбить своей любовью, своей заботливостью своего уходящего из дома ребенка, спрашивают его:

– Ты, Петенька, далеко?..

– Ты, Сонечка, скоро придешь?..

И когда не знающие еще силы этой мучительной любви, страдальческой, мученической, родительской любви, сын или дочь, увлекшись товарищеской беседой, веселой пирушкой, запаздывают обычным возвращением домой, – с известного момента в сердцах мучени-

ков-родителей вспыхивает тревожное беспокойство и, разрастаясь до мучительного состояния, до болезненной тревоги, вымученных и жизнью, и возрастом сердец, повергает их на колени к обильной горячими слезами тихой молитве в своих спальнях, в своих кабинетах – за целостность своих отсутствующих детей:

– Господи! Спаси его (или ее); вразуми, сохрани, сбереги! – шепчут пересохшие губы, и в то же время эти страдальцы прислушиваются к каждому шороху, к каждому стуку, к каждому шагу проходящих под окнами людей: «Не Петенька ли, не Сонечка ли возвращаются домой?..»

И все это делается под тщательным прикрытием от тех, кто доставляет им эти страдания, дабы не обидеть Петеньку, не оскорбить Сонечку, и этим самым не ускорить устрашающей их катастрофы; не переполнить ту, какую-то непонятную им, родителям, чашу психических настроений в их молодых сердцах, которая мгновенно может превратить эти любимые существа в бездыханные трупы.

Это первый период родительского страдания, а за ним идет второй, когда ожидаемая катастрофа рано или поздно предстанет перед глазами обезумевших от ужаса и горя стариков.

Я никогда не забуду известных мне 70-летних мужа и жену.

Он – бывший военный врач.

В течение многих лет перекочевывал в малообеспеченной, тяжелой по труду обязанности армейского врача из города в город, отдавая с женой весь свой труд, всю свою жизнь, всю свою любовь, все свои заботы своему единственному Митеньке, от которого они ждали только лишь одного – *его личной счастливой жизни*.

Самим старикам ничего не нужно было.

Их двое, у них пенсия, которая обеспечивала им и теплый угол, и кусок хлеба.

Вырос Митенька.

Вышел доктором.

Старики наверху блаженства.

Честный, хороший, красивый, жизнерадостный, жизнедеятельный, работоспособный.

Вдруг на пути молодого человека подвертывается женщина, много старше Митеньки, замужняя, с четырьмя детьми.

Митенька увлекся.

Напрасно предупреждали родители.

Напрасно, как старая горлица, любовным воркованием в долгие зимние ночи предостерегала сына мать от грозящей опасности.

Напрасно спокойно, серьезно, рассудочно, как с молодым другом, обсуждая этот вопрос, указывал на невыгоду рокового сближения увлекшемуся юноше седовласый старик-отец.

Ничего не помогло.

Устроили развод, поженились.

«Она ему в матери годится», – говорили те, кто видел эту современную нескладную пару у брачного аналоя.

Прошло три-четыре года; до стариков стали доходить слухи, что их Митенька, переехав после брака в небольшой провинциальный город, несчастлив с избранницей своего сердца.

Адский характер, дикая, безумная ревность старого человека к молодому, почти ребенку, мужу.

Скоро слухи перешли в живые факты.

Митенька, потеряв душевное равновесие, несколько раз убегал от своей новой семьи то в лечебницу для неврастеников, то в санаторий для психических больных.

Наконец приехал опять в Петербург, вместо отца и матери – к старой знакомой его родителей, и заявил ей, что на этот раз он решил прервать свою неудачно сложившуюся жизнь, прося ее взять на себя миссию помочь пережить старикам тяжелое горе.

Заметалась бедная женщина.

Безумно жаль стариков и невыносимо жаль молодую, безвременно погибающую жизнь. Стала уговаривать его, умолять, упрашивать; наконец, повезла его к старикам-родителям, втихомолку предупредив их о грозящей опасности.

Не нужно говорить, как отнеслись к этому надвигающемуся горю старики.

Но любовь к ребенку заставила позабыть все, они превратились в одно сплошное внимание.

Они в течение этих страшных суток во время его пребывания у них, казалось, всей силой своей любви, всей силой своего внимания, своей задушевности старались воскресить сердце несчастного.

И он как будто поддался, как будто забыл свою ужасную затею.

Наступил вечер, он вместе с ними, как прежде бывало, сидел за столом вечернего чая, шутил, смеялся.

Затем около 11 часов вечера отец надел на него свой халат и, как малого ребенка, уложил в постель.

Сел у его кровати, начал вести с ним беседу об отвлеченных предметах, а чтобы Митя крепко и быстро заснул, положил ему на голову холодный компресс.

Недолго лежал взрослый ребенок.

– Папа, перемени мне, пожалуйста, компресс.

Старик бережно снял с горячего лба дорогого детища мокрую салфетку, поцеловал его в лоб и пошел в ванную, чтобы смочить ее.

Вернулся, но... Митеньки в постели не было.

Стал искать его по комнатам; туда-сюда – Митеньки нет.

Бросился в кухню, прислуга говорит, что молодой барин в одном халате вышел на черную лестницу и побежал вниз.

Задрожали старческие ноги; что-то крикнул жене, бросился за сыном вниз.

Выбежал во двор.

Пробежал одни ворота... другие... у третьих встречает дворника.

– Кормилец, не видал ли сейчас барина в халате?

– Да как же, ваше превосходительство, – задыхаясь и испуганно проговорил дворник. – Сейчас они изволили в третьих воротах застрелиться.

– Как?..

И обезумевший старик без чувств повалился у горячего еще трупа своего сына, которого окутывал нерассеявшийся дым револьверного выстрела.

Что было потом с матерью, с ним – говорить не нужно...

Да! Это один из мучительных ужасов нашего времени.

Это та кара Всемогущего Бога, которая является ответом на все безумства жизни нашего века, которые попирают все высокое, чистое, светлое, идейное, Божеское...

Но что ужаснее всего – изгнана из жизни святая тишина.

Изгнана, несомненно, умышленно князем мира сего, духом тьмы. Со своим уходом лишила она человечество драгоценной возможности под ее святым покровом вдумываться в жизненные явления, анализировать, взвешивать их, отмечать положительные и отрицательные стороны; проводить аналогии между настоящим и минувшим и, несомненно, видеть то, что открыло бы человеку глаза на ужасную действительность.

Заставила бы его задуматься и, почему знает, быть может, изменить весь образ своей личной жизни.

Но врагу рода человеческого это невыгодно.

И вот театры, спорт, скачки, игорные дома, дома терпимости, газеты, журналы, автомобили, новейшие философские системы, моды, разнообразные культы, нервирующие известия о войне, биржевой ажиотаж, гипнотизм, спиритизм, оккультизм, непрерывная хроника всевоз-

можных событий, вроде убийств, грабежей, самоубийств, – все это настолько отвлекает человека от больших вопросов окружающей жизни, что в миллионах самых мучительных, самых ужасных явлений в наше время и доброго человека, и мыслящего, и религиозного, и нравственного, и образованного, и честолюбца, и труженика, и лентяя, и порочного, и богатого, и бедного, и мирного поселянина, и крупного богача отстраняет от возможности задуматься над всем этим и ужаснуться...

А между тем перенесемся на несколько лет назад...

Даже не на особенно много – лет на 30–35.

И что же мы видим?

Не было еще в то время тех величайших изобретений.

Тех изумительных подвигов человеческого ума.

Не покрывала нашу страну такая сеть железнодорожных путей сообщения.

Не переговаривались люди друг с другом, находясь на расстоянии один от другого в несколько сотен верст.

Не пробегали по нашим улицам электрические трамваи.

Не перемешивались с нашими доморощенными бричками и тарантасами быстро пролетающие автомобили.

Не было говорящих машин.

Не было поднимающихся в беспредельную высь аэропланов.

И таких явлений, как самоубийство, мы насчитывали за десятилетие по пальцам.

Это в больших городах, а о глухой провинции и говорить нечего.

Я никогда не забуду, как в моем родном городе, в 100 верстах от Москвы, был случай самоубийства.

Один офицер, вследствие растраты или проигрыша казенных денег, прострелил себе оба виска.

Великий Боже! Какое это было ужасное событие.

Сначала о нем в городе говорили шепотом; потом, когда уже событие сделалось, так сказать, официальным достоянием, говорили вслух. Похороны этого несчастного юноши привлекли к себе все городское население.

Когда следовавшая в похоронном кортеже полковая музыка печально играла «Коль славен наш Господь в Сионе», все от мала до велика, без различия общественного положения, состояния и интеллигентности, проливали о погибшем горькие слезы.

А затем на протяжении чуть ли не десяти лет все обыватели этого городка, показывая какому-нибудь новичку его достопримечательности, проходя мимо того дома, где жил застрелившийся офицер, таинственно говорили: «А вот в этом доме у нас один раз застрелился офицер».

Местные же кумушки, купчихи и старые старухи, вспоминая о каком-либо событии, говорили: «Это было за год или за два до того времени, как у нас на Большой улице офицер застрелился».

Теперь не то.

Самоубийство сделалось настолько обычным явлением в нашей жизни, что им с легкостью сердца запугивают, им рисуются, и оно уже давно не леденит чувства и кровь современного нам человечества.

Оно сделалось доступным каждому.

Достоянием всех возрастов, всякого развития и всякого положения.

Кончают с собой бедняки и богачи.

Уходят из жизни и девушки, и юноши, и матери, и отцы семейств, мало известные и знатные, простолюдины и вельможи.

Кончают с собой священники. Недавно «Сибирская жизнь» сообщила, что в Енисейской епархии на протяжении короткого времени покончили жизнь самоубийством целый ряд священников. В с. Ирбейском, Канского уезда, повесился священник Попов; в том же уезде зарезался священник Василий Каменев; в Енисейском уезде зарезался священник Дмитрий Быстрое и застрелился священник Петр Баженов; в с. Даурском, Ачинского уезда, застрелился священник Гениш; в Минусинском уезде застрелился о. Кирилл Шелковский и, наконец, в с. Иркутском, Красноярского уезда, застрелился священник Рахманин...

Кончают с собой 12—13-летние дети.

И из ста случаев в сорока коренной причиной является упадок состояния, безвыходность положения, потеря близкого лица; а в шестидесяти – один общий лейтмотив: «скучно жить»... «надоело жить»... «пусто в жизни»...

Что ужаснее всего – это последний основной мотив самоубийства в возрасте от 13 до 20 лет, который является чуть ли не *единственным*.

«Жить надоело».

«Жизнь наскучила».

Это тринадцатилетнему ребенку!

Это только что начинающему жить юноше!

Нет, это ужасно!..

А между тем, как бы ни переоценивали самоубийство, как бы ни старались его исказить, принизить, – покончить свою жизнь дело нелегкое.

Что-нибудь из двух: решающийся на такой шаг или должен быть человеком, придавленным страшным гнетом жизненных страданий, загнанным жизнью в такой невозможный тупик, за которым нет ни просвета, ни свободного воздуха.

Или же это должен быть безумец в точном смысле этого слова.

Человеческая выносливость чрезвычайно метко охарактеризована бессмертным психологом Ф.М. Достоевским, который определил ее приблизительно следующими словами: «Человек – подлец, он привыкает ко всякому положению. Мне кажется, если бы его поставили на узенькой дощечке среди волн безбрежного океана, он и там бы сумел привыкнуть к своему положению».

Чем же в таком случае объяснить это явление, эту ужасную эпидемию в современной жизни?..

За последние годы, когда пожар мучительной эпидемии разгорается все больше и больше, за разрешение этого вопроса взялись современные ученые – психологи, врачи, литераторы, среди которых, само собой разумеется, преобладают имена представителей исключительно только позитивной школы.

Много пишут.

Читают даже об этом публичные лекции.

Но все они витают в научных эмпиреях и не могут разрешить большого вопроса, не могут указать нормального выхода из него.

А между тем стоит только подойти к этому вопросу с несколько иной стороны.

Стоит только осветить его *добросовестным* освещением, и причина этого ужасного явления будет более чем понятна.

Стоит только посмотреть беспристрастно хотя бы на то же доброе старое время.

Стоит только добросовестно сравнить отношение к жизни современного человечества, равно как и саму эту жизнь – с *отношением* к жизни и с *самой* жизнью наших предков, чтобы увидеть основную причину, порождающую ужасы эпидемии самоубийств.

Попробуем сделать примерное беглое сравнение указанного.

Не будем брать особенно отдаленный период, не будем перекидываться за столетия, а возьмем четверть века назад.

Как я сказал раньше, в то время не было тех плодов человеческой культуры. Люди были разобщены между собой иногда колоссальными пространствами.

Что такое теперь расстояние между Москвой и Петербургом в 600 верст?

11—12 часов езды с полным удобством, комфортом. Приятно проведенная спокойная ночь.

А тогда – две-три недели езды на перекладных. Путь, отправляясь в который люди сознавали, что они делают тяжелое путешествие. Одни сборы являли собой целую эпоху в жизни как самого путешественника, так и снаряжающих его.

Теперь, при очень небольшой затрате, можно в течение нескольких минут переговорить из Москвы с Петербургом.

В то время был единственный способ обмена мыслей людей, находящихся в этих двух пунктах, – почта, которая доставляла корреспонденцию в промежуток от 10 до 15 дней и при этом около 50 процентов ее утрачивалось в пути.

Так вот в то время, само собой разумеется, переживания были значительно тяжелее и средств для ослабления их не было никаких, в самом точном смысле этого слова.

А между тем какие богатыри были наши отцы, деды и прадеды, как энергично поборали они все те препятствия, которые вставали перед ними на их жизненном пути.

В настоящее время развитой культурный человек, имея на своих плечах семью из двух-трех человек, очень часто в бессилии опускает руки, не будучи в состоянии нести ни материальных, ни нравственных забот о своей семье; а в то время семьи представляли собой целые патриархаты, целую общину, нередко в 50–60 человек, которая жила в одном доме, садилась за один стол; и всем управлял, обо всех заботился, всех кормил, поил, одевал, обувал один человек – глава этой семьи.

Само собой разумеется, при малокультурных условиях жизни ярмо этого управления ложилось на него всей своей тяжестью, но ему и в голову не приходила мысль о самоубийстве.

Точно так же люди боролись с изумительной энергией с материальной необеспеченностью.

Семья какого-нибудь бедного захудалого дьячка, получавшего дохода от 30 до 50 рублей в год и состоявшего при 7—10 человеках детворы – всех выводила в люди.

Стоит только представить себе, как эти несчастные дети своего времени в холодную зимнюю, отличающуюся трескучими морозами ночь пробегали необозримое пространство степей и лесов полуголодные, полуобтрепанные, полуоборванные, направляясь из семинарии или духовного училища губернского города, иногда за 80–90 верст, в родное село на Рождественские каникулы, чтобы понять, как тяжела и мучительна была нужда в то время и как героически боролись с ней люди той эпохи.

Зато какие богатыри выходили из этих людей на арену общественной деятельности!

Какие великие умы, какие светочи!

И никому из них – ни в минуты пережитой нищеты, ни в последующей жизненной борьбе – не вырисовывались на горизонте ни браунинги, ни цианистый калий.

А почему?

Потому что у людей было время в спокойной, безмятежной тишине заглянуть в свою собственную душу, проанализировать прожитую жизнь каждого минувшего дня, прочесть его, как страницу самой интересной книги, увидеть в нем руководящую десницу Божественного Промысла, преклонить пред Ним свои колени, прочесть несколько строк Божественного Евангелия или Жития святых и, благодаря этому, укрепить свою веру, воскресить в этой самой вере свою жизненную силу...

С тишиной неразрывно связана самая высокая сторона человеческой жизни – молитва.

И глубокая, искренняя, беспредельная вера в Господа нашего Иисуса Христа и в Его дивных святых и праведных.

Неопсихологи последнего времени трактуют, как о величайшем открытии XX столетия, о взамоединении человечества, утверждая, что этим взамоединением обновляются наши духовные силы, открываются новые горизонты, освежается мысль, – для этого рекомендуют общественные собрания, союзы, платформы.

Не ново это и бледно это: в ту эпоху, которую мы рассматриваем, человечество знало это и относилось к этому в высокой степени сознательно и разумно.

Тогда каждую свободную минуту несли в церковь, в этот самый прочный и самый великий по своему внутреннему и внешнему воздействию союз, в котором люди, помимо благотворных влияний взамоединения, получают чудодейственную силу, обновляющую и дух, и душу, и сердце, и тело, от Того, Кто неизменно стоит во главе Церкви – от Христа.

Тогда не начинали ни одного дела без молитвы и не кончали его без нее.

Тогда вера ставила людей на изумительно твердую, незыблемую почву.

В то время не было такой духовной нищеты, которой богата современная жизнь.

Царившая вера была незримым богатством каждой семьи.

«Бог с вами»... «Господь с тобой»... «с Богом»... вот что было напутственным словом отца и матери, когда человек, уходя из дома, испрашивал напутственного благословения последних, хотя бы эта отлучка была продолжительностью в несколько минут.

А если он шел в далекий путь, отрывался надолго от семьи, от воспитавшего его патриархата, ему сопутствовало благословение родителей на каждом шагу. Воспитываясь при таких условиях, каждый юноша или каждая девица на своих душах ощущали благотворную силу семьи.

Вера, находившая себе реальное оправдание в действительной жизни, укрепляла молодую душу в твердом, незыблемом сознании, что с верой его отцов, с дорогой ему религией он не погибнет.

Затем, впереди него стояла Церковь, в силу которой он верил уже по одному тому, что Божественный Спаситель мира Сам сказал ему в Своем Божественном слове: *Что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 19–20).

И незыблемость и правильность этих слов он уже испытал в своей молодой жизни, наблюдая, как тяжелые переживания семьи исчезали с лица земли благодаря только лишь молитве в церкви или общей молитве среди своих сочленов.

Он не раз видел, как горячая молитва, полная искренних бесхитростных слов, совместно отца и матери, сглаживала с жизненного пути все шероховатости, все острия и все мучительные, иногда, казалось, непереживаемые страдания.

Он воочию видел, что, где много молятся, там много радуются.

Ему известно, вошло в его плоть и кровь, что, если он не встретил наступившую неделю участием во всеобщем бдении в местном храме в субботу и у обедни в воскресенье, он не был уверен за благополучие этой недели.

Вот с каким багажом веры человек выходил в жизнь.

Мы очень часто слышим, что в современной жизни исчезли идеалы, нет определенных планов, закономерности.

Так и быть должно.

Удивляться этому не следует. Без веры не может быть идеалов. Без веры не может быть определенных планов.

Вера – это тот маяк, который освещает идеал. И всякий, разрушающий веру, сам того не подозревая, разбивает тот спасительный фонарь, который освещает жизненный путь и ведет к идеалу.

Были ошибки и тогда. Были ухабы, разочарования, трагические роковые моменты и в то время, но люди, попадавшие в них, знали: во-первых, что эти переживания кратковременны; во-вторых, верили, что Бог не даст погибнуть верующему в Него, надеющемуся на Него.

Сложилось даже немного грубое, но мудрое народное изречение: «Бог не выдаст, свинья не съест».

Если попадали в жизненный ухаб, то не оставались в нем, не опускали беспомощно руки и не сползали без борьбы на самое дно ухаба.

Нет, тот светлый маяк, который называется верой, ярко светил им и из-за обрывистых, иногда необычайной крутизны, берегов ухаба, и они, напрягая последние силы, выкарабкивались по острым крутизнам и выходили на путь.

Можем ли мы сказать то же самое про настоящее время?

Ответит ли нам кто-нибудь из современной молодежи – да что молодежь... даже из стариков – на вопросы: куда он идет; какая у него определенная цель в жизни?..

И вот без идеалов, без веры, без определенных целей забредает современное человечество в чашу жизни, и очень многие останавливаются в глубоком недоумении: куда они идут, зачем и для чего?

Ничего впереди!

Таким образом идет какая-то кошмарная, беспросветная мука. Скудная, тягучая, бесцельная.

Потому что вырвана вера, расшатаны основы нормальной человеческой жизни.

У каждого, в особенности у молодежи, благих порывов, благих начинаний без конца.

Но миллионы из них *все* начинают и ничего не кончают.

Лень.

Желание как можно больше иметь и как можно меньше трудиться.

Больные, убогие духом, неврастеники.

Только этим и можно объяснить нежелание жить, отсутствие интереса в жизни. Только этим и можно объяснить доминирующую в наше время болезнь духа.

И вот... одни кончают с собой.

Другие бросаются в омут нравственной гибели, в разврат, алкоголизм, в разного рода спорт, в картежные игры, в спекулятивный ажиотаж.

И наконец, третьи, душой чувствуя, что есть какая-то необходимая для человечества область, что нельзя обойтись человеку без пищи для души, стремятся к суррогатам правды, в неизведанную область таинственного.

В спиритизм, оккультизм, затем в теософию.

И если где особенно ярко проявляет свою тонкую дипломатию враг человеческого рода, дух тьмы – сатана, то это только лишь здесь.

Красиво развертывая перед пытливым и в то же время голодающей душой все кажущиеся выгоды спиритического учения, которые заключаются, главным образом, в том, что к нему можно подходить не так, как к учению Христа, – без веры.

Веры не нужно, веру в свое время воссоздаст своими чудесами спиритизм.

А затем начинается общение с умершими душами, которые сначала обращают ваш взор на Божественного Спасителя мира, на Евангелие, на Церковь, а потом определяют каждому человеку *особого* «духа покровителя», «руководителя», «наставника» во всех его жизненных путях, который везде и во всем дает ему указания, советы, назидания; который говорит ему, что как в грехе, так и в добре мы невольны, ибо находимся во власти духов, которые через нас выполняют ту или другую миссию на земле.

Миссию зла или миссию добра, смотря по тому, что им нужно.

И адепт нового учения, как муха, попадает в крепкую паутину, не делает ни одного шага вперед, не посоветовавшись с духами; и таким образом, вместо культа Христа, руководи-

тельства Евангелия и Церкви, создается культ умерших: Нерона, Юлия Цезаря, разных бывших подвижников духа и жизни; и последователь этого учения аннулирует свою собственную индивидуальность, самостоятельность, утрачивает личную силу воли, способность бороться, противостоять злу, разбираться, где ложь, где правда в поступающих назиданиях и предсказаниях духа.

Всякое сбывающееся предсказание духов закрепощает его жалкую душу в область этого учения, а всякое несбывшееся, обман, ложь рассматривается как испытание, как особого рода искус для более вящего усовершенствования неопита на пути духовного следования.

Но как только человек утрачивает возможность бороться с внешним течением, духи, или непосредственно сами, или через людей, вводят его в область оккультизма, где перед ним открываются более широкие, более возвышенные горизонты.

Здесь разворачивается новая форма деятельности: адепт приобретает способность властвовать сначала над низшими, а потом и над «высшими» духами.

Ранее он последним молился, теперь он будет им приказывать.

Ранее он имел дело только с отошедшими, с умершими, теперь он может властвовать и воплощенными духами и всеми силами природы.

И для того, чтобы не особенно ясно указывать человеку на его окончательное падение, дух тьмы вводит его в благодетельную область оккультизма – в белую магию, посредством знания которой вновь испеченный маг может, *если пожелает*, делать только лишь добро, по своей собственной воле, по своему собственному желанию и по своей самочинности.

Венцом оккультных доктрин следует назвать теософию, которая, трактуя о целом ряде перевоплощений человеческих существ все в новые и в новые особи, до тех пор пока каждая душа совершенно не очистится от греха, довольно неприкровенно отрицает Божественность Христа, значение Его искупительной жертвы за человеческий грех, сравнивает Его с Буддой, Магометом, Пифагором, Моисеем и таким образом окончательно вырывает из человеческой души самую главную, самую мощную, самую твердую ее опору.

И нетрудно представить себе весь ужас, весь трагизм той души, которая в одно прекрасное время увидит в этой области один только лишь сплошной обман.

О, гибель ее предусмотрена!

Спириты и оккультисты любят особенно подчеркивать то, что среди них нет самоубийц.

Что спиритизм, в особенности, навсегда излечивает от самоубийства.

Это неправда.

За короткий промежуток времени мне лично пришлось наблюдать до пяти случаев самоубийства спиритов и оккультистов, среди которых можно встретить такие имена, как бывший председатель петербургского спиритического кружка О.Ю. Стано, а затем – запутавшийся в дебрях спиритизма и оккультизма бывший монах московского Чудова монастыря В.Э. Якуничев...

Вот обычная схема жизни современного человека, и человека, к сожалению, интеллигентного.

Но не следует упускать из виду, что такие этапы человеческой жизни были всегда и везде.

Самым ярким примером в этом направлении может быть жизнь библейского царя Саула.

Жил человек в строгом исполнении воли Божественного Промыслителя, и все вокруг него дышало обилием благословения.

Уклонился человек от Божественной правды, и Дух Господень оставил его.

В мучительной тревоге, как человек, потерявший ярко горящий маяк веры, Саул, потерявший нормальный путь, стал бросаться то туда, то сюда и в конце-концов обратился к Аэндорской волшебнице...

И это последнее привело его к самоубийству.

Так умер Саул за свое беззаконие, которое он сделал пред Господом, за то, что не соблюл слова Господня и обратился к волшебнице с вопросом, а не взыскал Господа. [За то] Он и умертвил его, и передал царство Давиду, сыну Иессееву (1 Пар. 10, 13–14), – говорят страницы Библии.

Но библейская история богата миллионами примеров, где люди, потерявшие сами себя, возвращались к правде, обращаясь к форме своих первобытных отношений к Господу Богу и к жизни.

«Да, – скажут нам, – но то была своя эпоха и люди своего века, а что нужно делать нам, людям нашей эпохи?»

Я на этот вопрос хотел бы ответить примерами из жизни простого народа, который, как бесхитростное дитя природы, разрешает свои большие вопросы самым примитивным, бесхитростным и, в то же время, самым верным путем.

Я хочу указать на то, как болезнь века излечивает наш простой русский мужичок.

Болезнь духа, неврастения, истерия и все другие виды нервной, больной психической природы человека далеко не есть достояние только лишь одной интеллигенции.

Разница только в том, что мы, интеллигенты, лечим эту болезнь, явившуюся результатом сутолоки жизни, тем, что удаляемся для излечения *тоже* в сутолоку жизни, а у неинтеллигентного человека свои методы.

Попытайтесь спросить, откройте душу каждого интеллигента, отправляющегося для излечения своего недуга на Кавказ, в Крым, на Ривьеру, в санаторий, на дачу, на кумыс, что его вымучило и чего ему хочется.

Он вам ответит: «Устал, измучился, изо дня в день, как заведенная машина... погоня за деньгами, за положением... стремление не стать ниже своего собрата... нехватки, недостатки... отсутствие возможности хоть на минуту остаться самим с собой... дети, нестроение в семье, полная неудовлетворенность у всех и каждого... ох, как я устал...»

Спросите теперь изнервничавшегося мужичка нашей деревни, и он точь-в-точь скажет то же, что сказал интеллигент.

Та же нужда, та же нищета, та же погоня за лучшим, та же издерганность и то же патетическое: «Устал, барин, пра-слово, устал».

Но посмотрите, как разрешает этот вопрос одинаково думающая и страдающая с интеллигентом сермяжная мужицкая душа.

Если бы чуткая наблюдательная душа посмотрела летом на наши большие шоссезные дороги, то какую трогательную и вместе с тем чудную картину увидела бы она.

В то время, когда наш интеллигент отправляется на заграничные и русские курорты, на дачи, на теплые моря, наша серая, уставшая от непосильных работ и переживаний Русь протаптывает тысячеверстные, по бокам шоссезных дорог, гладкие, как отполированная сталь, тропочки.

И идет эта истовая Россия на поклонение к русским святыням, к мощам, в Троицкую Лавру, к Киево-Печерским угодникам, к Серафиму Саровскому, к Иосафу Белгородскому, в Оптину пустынь, в Шамордин монастырь.

В святую тишину благодатных обителей.

К праведным старцам.

Чтобы отдохнуть в этой святой тишине, чтобы свое горе, печаль оставить у святых печальников православного верующего люда.

Время бурлачества миновало.

Но когда я вижу эти серые пыльные лица, облитые потом вдаввшие щеки; когда перед моими глазами движется эта темная лапотная Русь с узлами и котомками за плечами, в которых, думается, не столько добра, нужного для пешехода, сколько горя народного, тоски беспредельной, муки мученической, нужды, нищеты, бабьей доли сиротской, болезней неизлечи-

мых да надрывающегося терпения, – мне вспоминаются слова нашего поэта-народника Н.А. Некрасова:

Волга, Волга, весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великой скорбью народной
Переполнена наша земля...

Стоит только побывать в конечных пунктах этих мужицких летних этапов, у кельи того или другого старца, у мощей того или другого угодника; стоит лишь только прислушаться к глубоким стонам – вздохам этой преклоняющейся серой массы, чтобы постигнуть и пережить тяжесть тех скорбей, которые приносит простой люд к великим православным святыням.

Эти вздохи у раки великого Саровского угодника в одно из моих первых путешествий туда почему-то напомнили мне тот легендарный стон земли, который был слышен в великий момент Мамаева побоища на Куликовской битве, освободившей Святую Русь от нещадного ига татарского.

И здесь я видел, как после этих глубоких вздохов, сошедшихся с разных концов нашей страны простых бесхитростных детей земли, после их бессвязных, пожалуй, даже бессмысленных лепетаний, вроде: «Господи, Мать Пресвятая Богородица, Серафим Саровский... батюшка ты наш... преподобненький... ох, Господи», – эти люди вставали освобожденные от другого Мамаева – от современной тоски сердечной, беспредельной, бесконечной печали, от давящей душу, сердце и изможденные плечи нужды.

И вставали бодрые, со светлым, восторженным взглядом, готовые после тысячеверстных переходов с медными грошами пускаться в обратный путь с еще меньшим количеством грошей.

Я никогда не забуду, когда после поклонения мощам преподобного, а затем после исповеди и причастия Св. Христовых Тайн одной 70-летней старушки, пришедшей пешком из Волынской губернии, у которой вчера бессердечные карманники в то время, как она прикладывалась к мощам, вырезали единственные 1 р. 60 к., весь ее основной капитал, мы, увидя вместо печального выражения пережитого горя светлое, радостное лицо, чистые светло-голубые полные жизни глаза, спросили: «Ну что, бабуся, как чувствуешь себя?»

– И-и... хорошо, кормилец!.. И-и... радостно, родненький! – восторженно ответила старушка.

– Ну, а как же домой-то... без денег-то?

– Да ништо, голубчик! Преподобненький проведет без беды, без печали!

О, если бы вы, господа интеллигенты, которые ценят при условиях городской жизни рубли дешевле, чем наши бедные крестьяне копейки, слышали в этом тоне музыку той веры, которая в состоянии поколебать не только горы, а даже самые окаменелые человеческие сердца, вы поняли бы, что, если человек обладает хотя миллионной частью этого порыва веры, он – счастливейший из смертных, он неуязвим, он герой, богатырь видимой нами жизни; по его вере делается не только то, что делал Божественный Спаситель мира, а даже *больше сих* (Ин. 14,12); тогда вы сами поняли бы, где и в чем нужно искать счастье в жизни; где и в чем нужно черпать силу и неуязвимость для жизненной борьбы...

И здесь же, сейчас же, в этот момент совершилось изумительное чудо.

«Преподобненький» помог.

Один из наших спутников, – человек, совершенно ни во что не веровавший, относительно тароватости – кремь, – приехавший сюда для того, чтобы поглазеть и позубоскалить над людским невежеством, вдруг совершенно неожиданно для нас открыл кошелек и дал старухе золотой 10-рублевик.

Не буду останавливать вашего внимания над тем, какое изумительное впечатление произвело это прежде всего на старуху, а затем и, самое главное, пожалуй, на нас, прекрасно знавших и душу, и сердце, и отношение к беднякам, и религию этого человека...

Словами этого не передашь.

Потому что это было чудо...

Вот что добывает, какое чудесное обновление всей своей сущности в этом методе лечения страждущей души простая мужицкая темная масса!

И в то время, когда интеллигент, каждый год кочующий с курорта на курорт, не успеет вернуться в свой домашний очаг, как уже ощущает возврат к себе всех видов неврастения, всех форм болезни духа и тела... и начинает мечтать о будущей весне, о будущем лете и будущих поездках на курорты, простая мужицкая душа, быть может один раз в жизни совершившая свое паломничество с целым рядом ужасных неудобств и лишений, не только навсегда обновляется сама, но и несет великую силу своего обновления в свою семью, во всю свою деревню; и до конца дней своих, стоит только выйти носителю этой души к завалинке родной избы, чтобы вокруг него собрались его односельчане, молодые и старые, ребята и подростки, и он чуть не тысячный раз начнет рассказывать им просто, бесхитростно свои переживания во время трогательного богомоления и виденные им чудеса и исцеления.

И как много среди этих слушателей душ, переживающих тяжелые, скорбные минуты, наслушавшись благотворной поэзии рассказчика, мысленно переносятся к раке того или другого святого и укрепляют свои надорванные силы великим сознанием, горячей верой, что человек не один; что еще не все потеряно; что еще Милосердный Господь дает нам Своих угольников, Своих святых, Свою Пречистую Деву Марию.

И что во всех положениях жизни неизменно с нами Бог!

Вот почему, пережив все это, перенаблюдав, хочется сказать от всего сердца великое спасибо одному из больших людей нашей эпохи, который взялся за восстановление на нашей Руси приходских паломничеств к святыням.

Говорят, война родит героев, а известная волна духовного запроса в людях – соответствующих гениев.

Несомненно, в данном случае эта истина оправдалась.

В Москве с 1910 года по почину священника церкви Воскресения, что в Кадашах, о. Смирнова, создались паломничества с целой массой желающих по русским святыням.

О. Николай Смирнов, как человек, сам вышедший из народа, понял, какую огромную роль для жизни всех людей, без различия, играет подъем духа и отдых от тревог жизни в совершении путешествий по святым местам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.